

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 233–236

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 233–236

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-233-236>, EDN: FTNUCE

Научная статья

УДК 811.521'38

Жанр сезонных приветствий в японской культуре

В. М. Алпатов

Институт языкознания РАН, Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1

Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующий центром социолингвистики, v-alpatov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Аннотация. В Японии даже сейчас распространен жанр сезонных приветствий, не имеющий аналогов в России или Европе. Такие жанры могут иметь лексическую специфику, нередко их единицы относятся к безэквивалентной лексике. Такие слова без потери или добавления информации нельзя перевести на другой язык одним словом или фразеологизмом, а «описательный» перевод может быть крайне неудобным и неэкономным, не подходящим стилистически, и какие-то компоненты значения могут потеряться или, наоборот, добавиться.

Пишутся по определенному шаблону и посылаются открытки с выражением чувств в связи с началом того или иного из 24 сезонов года. Они могут быть радостными или сочувственными в зависимости от погоды, типичной для данного сезона. Жанр, по-видимому, соотносится с особенностями японской картины мира. На основе несложного анализа лексики очевидно, что носители японского языка постоянно связаны с морем, морским климатом, морским промыслом, а скотоводство там не слишком распространено. Особое внимание к естественным процессам от погоды до нечленораздельных звуков часто свойственно японскому языку. Помимо выражения чувств в связи с сезонами особое значение у него имеют звукоподражания и образоподражания, такая лексика может появиться в самых разных жанрах.

Ключевые слова: время года, погода, японцы, открытка, радость, сочувствие, звукоподражание

Для цитирования: Алпатов В. М. Жанр сезонных приветствий в японской культуре // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 233–236. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-233-236>, EDN: FTNUCE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre of seasonal greetings in Japanese culture

V. M. Alpatov

Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, 1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russia

Vladimir M. Alpatov, v-alpatov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Abstract. In Japan, even now, the genre of seasonal greetings is widespread, which has no analogues in Russia or Europe. Such genres may have lexical specificity; often their units belong to non-equivalent vocabulary. Such words cannot be translated into another language with one word or phraseological unit without losing or adding information, and a “descriptive” translation can be extremely inconvenient and wasteful, not stylistically appropriate, and some components of meaning may be lost or, conversely, added.

Postcards are written according to a certain template and sent expressing feelings in connection with the beginning of one or another of the 24 seasons of the year. They can be joyful or sympathetic depending on the weather typical for the season. The genre, apparently, correlates with the peculiarities of the Japanese picture of the world. Based on a simple analysis of vocabulary, it is obvious that Japanese speakers are constantly associated with the sea, maritime climate, marine fishing; as for cattle breeding it is not very common there. Particular attention to natural processes from weather to inarticulate sounds is often characteristic of

the Japanese language. In addition to expressing feelings in connection with the seasons, onomatopoeia and imagery are of particular importance to it; such vocabulary can appear in a variety of genres.

Keywords: season, weather, Japanese, post-card, joy, sympathy, onomatopoeia

For citation: Alpatov V. M. Genre of seasonal greetings in Japanese culture. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 233–236 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-233-236>, EDN: FTNUCE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Каких-либо попыток каталогизировать всё множество речевых жанров, встречающихся в языках мира, пока что нет, и вряд ли можно ожидать их скорого появления. Тем не менее, можно выделять и жанры, которые отсутствуют в привычных нам языкам и не предусматриваются в обычной генрике. Они, как правило, тесно связаны с культурными особенностями.

Такие жанры могут иметь лексическую специфику, нередко их единицы относятся к безэквивалентной лексике. Такие слова без потери или добавления информации нельзя перевести на другой язык одним словом или фразеологизмом, а «описательный» перевод может быть крайне неудобным и незаконным, не подходящим стилистически, и какие-то компоненты значения могут потеряться или, наоборот, добавиться.

Разберем специфический жанр в японском языке, связанный с особой лексикой. Год у японцев традиционно разделен не только на весну, лето, осень и зиму, но и на 24 сезона в связи с типичной погодой в соответствующие числа календаря. Например, период с 6 по 19 января именуется *shookan* 'сезон вторых по суровости холодов', период с 20 января по 3 февраля – *daikan* 'сезон самых суровых холодов', период с 6 по 20 мая – *rikka* 'начало лета'. В русском языке (как и в западных языках) таких сезонных слов нет. Описательно, конечно, их переводить можно, но *вторые по суровости холода* у нас скорее ассоциируются не с периодом с 6 по 19 января, с реальной погодой в разные зимы и дни. В Японии тоже, конечно, раз на раз не приходится, но чередования сезонов достаточно устойчивы. И в Японии *shookan* независимо от реальной погоды – период с 6 по 19 января, не имеющий в других языках эквивалента для обозначения. Переводить *Сочувствую Вам в связи с наступлением 6 января* непонятно русскому читателю и вряд ли допустимо. Перевод же *Сочувствую Вам в связи с началом вторых по суровости холодов*, помимо громоздкости, будет понят как сочувствие при наступлении реальных холодов, что не всегда верно. А вот ещё группа слов того же семантического поля: *harukaze* 'весенний ветер',

kogarashi 'холодный влажный зимний ветер', *hanakaze* 'весенний (буквально: цветочный) ветер', *nowaki* 'холодный осенний ветер'. Все эти лексические единицы – не синонимы. Причина данной языковой особенности понятна. Большая часть густонаселённых районов Японии обращена к океану, и роль ветра в жизни, безусловно, велика. Как различия в их значении передать по-русски?

В Японии есть давняя традиция писать и отправлять радостные открытки к наступлению сезона, если данный сезон ассоциируется с хорошей погодой, и открытки сочувствия, например, в сезон самого большого холода. В Японии издавна существует и достаточно распространён особый эпистолярный жанр: сезонные приветствия [1]. Традиционно принято обмениваться текстами, в современном обществе – письмами (*mimaijoo*) по поводу наступления того или иного сезона. Если сезон стандартно связывается с плохой погодой, то в письме принято указывать сочувствие (*mimai*). Существуют специальные термины, например, *kanchuu-mimai* 'письмо сочувствия в связи с наступлением сезона холодов'. При этом вовсе не обязательно по суровости холода должны в данном году начаться именно 6 января: это стандартный день их наступления. Жанр сезонного приветствия стандартизован и строится по определенному плану, для него характерна архаичная лексика, в том числе слова и целые цитаты, взятые из камбуна – японизированного варианта старописьменного китайского языка, бывшего до XIX в. наиболее престижным языковым образованием в Японии. Штампы и цитаты из камбуна – некоторый аналог штампов и цитат из старославянского языка в современном русском языке. В целом сезонные приветствия такого рода представляют собой специфический элемент традиционной японской письменной культуры, не имеющий прямых аналогов в европейской или русской культуре. Вполне можно говорить об особом речевом жанре.

Разумеется, сезонные приветствия в широком смысле распространены и у нас, играя культурную роль, однако это приветствия в связи с годовщинами прошлых событий, происходивших в человеческом обществе:

день рождения и др. Пожалуй, некоторую аналогию имеет лишь Новый год – годовщина природного события, но и он имеет социальные коннотации. В Японии же ежегодные природные события закреплены в ритуале, который сохранился до сих пор. При этом большинство японцев живут на тихоокеанском побережье в субтропической зоне, со значительными, но не имеющими большого календарного разброса изменениями погоды. Поэтому ритуал вполне допускает приписать определенным календарным периодам типичную для данного времени года погоду. И в отличие, например от стандартных и для Японии новогодних приветствий, делается акцент на сочувствии из-за погоды, которую собеседники вынуждены пережить.

В какой-то степени данный жанр связан со свойственным даже современным японцам вниманием ко всему имеющему природное происхождение. В японском языке, например, столь значительно и бросается в глаза развитие звукоподражательной и образоподрожательной лексики. Наш выдающийся лингвист, в том числе японист, А. А. Холодович отмечал, что в японских военных документах 1930-х гг. употреблялись звукоподражательные слова для обозначения воздействия газов и звука разрыва разных видов снарядов [2: 106]. В книге этого ученого показано, что в те времена жанр военных документов имел значительные особенности, тем не менее, данная лексика могла появляться даже там. Есть ли соответствующие слова по-русски? Очевидно, нет. Слова вроде *бах*, *бух*, *трах* – не эквиваленты. Во-первых, они имеют окраску, не позволяющую употреблять их в официальных и специальных текстах, во-вторых, главное, они не имеют строгих соответствий тем или иным звукам. То же и с воздействием газов, только это уже не звукоподражания, а так называемые образоподрожания, передающие некоторые ментальные ощущения и впечатления. Примеры слов первого типа: *goso-goso* ‘шелест, шуршание, производимые твердыми, но легкими предметами при соприкосновении’, примеры слов второго типа – *pika-pika* ‘ощущение от сверкания молнии или блеска предмета’, *fusa-fusa* ‘ощущение от пушистой шерсти’, *bari-bari* ‘ощущение энергичной работы’. Такая лексика в полном смысле слова безэквивалентна.

Иногда точные денотативные соответствия есть, но стилистическая окраска другая. Однажды японец-переводчик сказал мне, что он установил, как будет по-русски называться широко в его стране известное морское животное: это *сепия*. А я этого сло-

ва не знал. Посмотрел в словаре, оказалось, что это животное (головоногий моллюск) – то же самое, что *каракатица*. Но если *сепия* – ученое слово с далекой периферии языка, то более известная *каракатица* – слово, ощущаемое как относящееся к сниженной лексике (правда, в третьем издании БСЭ *каракатица* дана полноценной статьей, а *сепия* – отсылочное слово). И какое слово можно считать нейтральным обозначением данного животного? Как будто его нет. Вероятно, дело в том, что в Японии мясо каракатицы нетрудно купить в магазине, а в Москве я его в продаже не видел. Вообще, лексика, связанная с морскими и речными животными в японском языке гораздо более дифференцирована, чем в русском. По-русски и рыба, которая плавает, и рыба как блюдо, и морская рыба, и речная рыба – всё имеет разные обозначения. Несколько видов креветок по-разному обозначаются. В подобных случаях богатство японской лексики легко объяснимо внеязыковыми причинами. Но опять вопрос: как переводить?

До сих пор я рассматривал чисто лексические примеры. Но могут быть случаи, связанные с другими сферами языка. Я столкнулся с этим ровно полвека назад, когда несколько месяцев был переводчиком на советской космической выставке в городе Симидзу. Надо было переводить на японский специальные тексты о космосе, которые художник должен был написать на стендах, и титры к кинофильмам. Я первый раз был в стране и слишком мало знал о ней, в том числе и в языковом отношении. Постоянно оказывалось, что переводный эквивалент вроде бы подобрать и можно, но все мои варианты браковались переводчиками с японской стороны из-за моего незнания сочетаемости тех или иных единиц. На одном из стендов речь должна была идти о советской научной станции в Антарктиде, которая называлась Дружная. Мне разъясняли, что наименование объекта не может быть выражено прилагательным и настаивали на переводе с помощью японского слова со значением *дружба*. Но для русского человека *дружный* и *дружба* не синонимы, и, в конце концов, пришлось название затранскрибировать. В русском языке превратить в наименование объекта можно чуть ли не любое слово, но в японском, видимо, не так. Прилагательное в японском языке – предикатное слово, по свойствам близкое к глаголу, но по-русски и глаголы могут становиться названиями чего-нибудь: *Не рыдай* и пр. А в японском есть какие-то глубинные запреты на то, чтобы называть поселение людей словом предикатной части речи?

Другой случай. Один из показывавшихся на выставке фильмов назывался «Здравствуй, лунный камень!» (в экспозиции был представлен образец лунного грунта). Но японские коллеги не знали, как можно здороваться с неодушевленным предметом, и адекватно перевести фразу ни мне, ни им не удалось. И совсем все стали в тупик, когда на банкете советский рабочий-макетчик провозгласил тост за *его величество рабочий класс*.

Итак, при любом переводе проблема поисков переводного эквивалента – сложнейшая задача. А причины несовпадений иногда лежат на поверхности. На основе несложного анализа лексики очевидно, что носители японского языка постоянно связаны с морем, морским климатом, морским промыслом, а скотоводство там не слишком распространено. Но многое понять сложнее, например, широкое распространение и часто жанровую нейтральность ономастических слов в японском языке. По-видимому, это связано с различиями картин мира [3]. Лингвисты сейчас стали активно заниматься такими про-

блемами, но строгого метода здесь пока что наука не имеет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова Е. Ю. Клише в эпистолярном стиле японского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 20 с.
2. Холодович А. А. Синтаксис японского военного языка (Язык военной документации). М. : Издательство иностранных рабочих в СССР, 1937. 246 с.
3. Haga Yasushi. *Nihonjin gengo bunka ron koogi (nihonjinrashisa) no koozo*. Tokyo : Taishukan-shooten, 2004. 267 p.

REFERENCES

1. Bessonova E. Yu. *Clichés in the epistolary style of the Japanese language*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2003. 20 p. (in Russian).
2. Kholodovich A. A. *Sintaksis yaponskogo voyennogo yazyka (Yazyk voyennoy dokumentatsii)* [Syntax of the Japanese military language (Language of military documentation)]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannykh rabochikh v SSSR, 1937. 246 p. (in Russian).
3. Haga Yasushi. *Nihonjin gengo bunka ron koogi (nihonjinrashisa) no koozo* [Japanese language and culture theory Koozo (Japaneseness)]. Tokyo, Taishukan-shooten, 2004. 267 p. (in Japanese).

Поступила в редакцию 14.10.2023; одобрена после рецензирования 23.10.2023; принята к публикации 16.11.2023
The article was submitted 14.10.2023; approved after reviewing 23.10.2023; accepted for publication 16.11.2023